

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СМЕРТИ В НАДПИСИ НА СТЕЛЕ ТАИМХОТЕП

Предметом статьи является определение содержания слова *смерть* в наиболее поздней редакции древнеегипетского «призыва к живущим на земле». Источником сведений выбрана биография Таимхотеп, супруги мемфисского первосвященника Пашринптаха III (Британский музей, стела EA 147, строки 15–21, 42 г. до н. э.). Свообразие надписи, предложенной в новом переводе, заключается в развитии ее автором традиционных представлений ранних эпох и использовании для этого формы письменного послания от умершего к живому. В письме содержится убеждение в неотвратимости смерти и неизвестности времени, когда прозвучит ее призыв. В обращении к супругу почившая женщина сообщает об окружающем ее «тягостном мраке» и призывает его проводить каждый день с удовольствием, что с перерывом в тысячу лет повторяет настроения и мотивы «песен арфистов» из гробниц Нового царства. Особое внимание уделено обсуждению транскрипции слова *смерть*, делается вывод о появлении в языке нового существительного. Имя смерти в надписи совпадает с императивом от глагола *идти* и связано с обозначением дня, когда человека призывают к переходу в другой мир.

Ключевые слова: Египет, Птолемеевская эпоха, биография, песнь арфиста, призыв *carpe diem*, смерть.

Необходимость тщательной подготовки к жизни в загробном мире культивировалась в Древнем Египте в течение всей его истории. Можно сказать, что значительную часть сведений о его культуре и письменности мы имеем благодаря изучению обнаруженных захоронений. При этом представления египтян о существовании в ином мире и традиции погребального культа были достаточно консервативными: основное содержание жертвенных формул, текстов обращений богов к умершему и просьб умершего о совершении для него ритуалов и магических заклинаний остается практически неизменным. Сопоставление содержания текстов из поздних периодов с более ранними выявляет их близость, поскольку наличие у потомков знания надписей своих предшественников проявляется на всех этапах существования письменной традиции.

Одна из форм коммуникации живых с усопшими – обращения родственников с просьбой об их защите на земле от тех или иных бед, о содействии в каких-либо имущественных вопросах¹. Немногие сохранившиеся документы этой группы получили названия «писем мертвым», которые известны сегодня начиная от 5-й (Старое царство) и заканчивая 21-й царской династией (Третий переходный период). Для анализа как частной жизни, так и эпистолярного стиля эти источники имеют большую ценность. Они рассказывают об отношениях между родственниками и соседями, живым и умершим супругами и даже между усопшими, если просьба обращена к тому, кто находится в загробном мире и должен повлиять на другого умершего, с тем чтобы тот сделал необходимое для оставшихся на земле. Материалом для большинства писем были чаши, предназначенные для воды и продуктов, которые прино-

¹ См., например, стелу Каирского музея (Первый переходный период, утеряна, без номера): «Послушай, я ведь был любим тобою на земле, сражайся же за меня, вступайся за (меня)... Прогони боль с моего тела! Стань полезной для меня!» (см. [Wente, 1975/1976. P. 595–600]).

сились в жертвенный дар. Посредством посланий осуществлялось общение с умершим, как и в земной жизни, именно они связывали людей, находящихся в разных местах. В свою очередь умерший обычно обращался к оставшимся на земле в речах, зафиксированных на стенах его гробницы, с просьбами о пожертвовании и поминовении его имени или рассказывал им о своей жизни с помощью автобиографии на памятном камне.

Особенным образом об отношении к жизни и смерти сообщают так называемые «песни арфистов», которые стали появляться после Первого переходного периода в основном на стенах гробниц. Надписи сопровождалась изображениями музыкантов, прославляющих место будущего пребывания. Важны два основных мотива, заложенные в них. Первый – обращение к владельцу гробницы, чтобы тот старался прожить на земле счастливые дни. Поскольку место будущего упокоения создавалось им еще при жизни, совет проводить каждый день с удовольствием был своевременным. Приходя в гробницу для осмотра работ по ее обустройству, владелец гробницы мог бы размышлять об оставшемся времени жизни. После его смерти эти тексты так и оставались на стенах, передавая посетителям места его вечного пребывания скептическое отношение к потустороннему существованию и утверждая, что проводить время жизни следует с радостью и с наслаждением². Второй мотив – это неизбежность перехода в подземный мир и заверение в том, что нахождение в нем является блаженным³. Это должно было примирить человека с мыслями о неизбежной смерти и побудить позаботиться о лучшем приготовлении к ней.

Биография Таимхотеп

Традиция создания текстов в форме «песен арфиста» обрывается с началом Третьего переходного периода (конец II тыс. до н. э.). Несмотря на огромное количество источников от этого времени, исчезают и любые свидетельства обращений к мертвым с помощью каких-либо писем. Но повествование о беззаботном жизненном пути – как ответ на призывы некоторых песен – перешло в биографии позднего периода, особенно в женские⁴. Спустя целое тысячелетие после последней сохранившейся песни арфиста, в конце эпохи эллинизма (середина I в. до н. э.), мы встречаемся с новым египетским текстом этой тематики – надписью на стеле Таимхотеп. Эта женщина была представительницей семьи мемфисских верховных жрецов Птаха при династии Птолемеев, передававших по наследству свои должности на протяжении трех столетий и занимавших верхнюю ступень в общественной иерархии. Пашринптах III, ее супруг, был тем, кто проводил ритуал коронации в Мемфисе Птолемея XII, а титулатура обоих супругов сопоставима в ряде случаев с царской (многие звания самой Таимхотеп совпадают с теми, которые носила в свое время Хатшепсут, но более важно отметить идентичность некоторых из них с теми, что были у ее современницы и правитель-

² См., например, фиванскую гробницу 359, владелец Инхорхау, период 20-й династии: «Не беспокойся ни о чем во время своего существования. Помещай упоение в свое сердце ежедневно, проводи сполна счастливый день!» [KRI. Vol. 4. P. 191–192].

³ См., например, фиванскую гробницу 50, владелец Неферхотеп, конец 18-й династии: «Слышал (я) эти песни, что (записаны) в гробницах предков, (слышал) сказанное ими для возвеличивания пребывания на земле и уничтожения существования в некрополе. Почему же делают такое по отношению к Земле вечности, строгой и правильной, на которой нет места страху? Смута вызывает у нее отвращение, там нет никого, кто бы собирался (выступить) против своего сотоварища. Это та земля, где нет врагов. Все наши сородичи покоятся в ней с самого начала времен. А все те, кто появятся потом, миллионы миллионов, все они отправятся на нее. Не случается промедления на любимой земле (т. е. в Египте): нет никого, кто бы не добрался до нее. Что касается срока жизни, проведенного на земле, то это сновидение» [Nari, 1985. Pl. IV (II)]. Следует отметить близость лейтмотива о бренности жизни с содержанием одного позднего «письма умершему» (остракон Лувр, инв. № 698, 21-я династия): «Отправился Ра, его Эннеада находится позади него, а также цари, все люди вместе следуют за их сотоварищами. Нет ни одного, кто остался бы, мы все отправимся вслед за тобой <в некрополь>» (см. [Cerny, Gardiner, 1957. P. 22. Pl. LXXX–LXXXa]).

⁴ Например, стелы музея Рёмер-Пелицеус в г. Хильдесхайм, инв. № 6352, владелица Хередуанх, IV в. до н. э.: «Было со мной так, что сидела (я), отдыхая каждый день... Я была обладательницей хмельных напитков, любящей веселый день, той, перед которой всегда проходили увеселения, была помазанной миррой и увенчанной лотосом... Вдыхали мы пряности, благоухающие ароматом... Пели музыканты для нас... и не препятствовала я своему сердцу в желаемом им» (см. [Jansen-Winkel, 1997]); ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № I.1.a.6692, владелица Ташритист, III–I вв. до н. э.: «Выбросьте злые слова из ваших сердец, обрадуйте свои сердца вином и миррой, [проводите] срок вашей жизни в радости!» (см. [Hodjash, Berlev, 1982. P. 204–213]).

ницы⁵ Клеопатры VII Теа Филопатор). Жизнеописание сохранило и имя его создателя – жреца Хора Имхотепа⁶; перед нами редкий случай древнеегипетского произведения, подписанного автором.

Автобиография Таимхотеп, рассказывающая о важных событиях ее жизни (о ее рождении и смерти, замужестве и детях), заканчивается отдельной речью в адрес супруга. Данное обращение отчасти повторяет настроения и мотивы песен из гробниц Нового царства. Главная его особенность заключается в том, что значительно преобразованная «песнь арфиста» вложена уже не в уста музыканта, поющего для живого, но исходит от умершего. Текст оформлен как ответное письмо от мертвого к живому, от того, кто уже получил опыт пребывания *там*. Давая определение смерти и описывая потустороннее местонахождение как «тягостный мрак»⁷, женщина убеждает своего супруга (который переживает ее лишь на полтора года) в необходимости отдохновения от забот.

«Обращение к живущим» на стеле Таимхотеп (строки 15–20)⁸:

«О, мой любимый, супруг и друг, великий управляющий мастерами!

Да не устанет сердце твое от того, чтобы пить и есть, пьянеть⁽¹⁶⁾ и любить! Проводи счастливы(е) дни(и), следуй своему желанию днем и ночью! Не впускай печаль в свое сердце! Иначе что же это за твои годы, проведенные на земле?

А Запад⁹ – это земля в вечном покое, тягостный мрак, место пребывания для «находящихся там», спящих на своих ложах. Не⁽¹⁷⁾ просыпаются они, чтобы увидеть своих братьев, и не видят они своих отцов и своих матерей, их сердц(а) забыли их жен и детей. Вода жизни, которая есть <на> земле, предназначена она для каждого <человека> на ней, жажда (к этому) у меня! Но приходит⁽¹⁸⁾ она (лишь) к тому, кто на земле. Я жажду, а вода рядом со мной. Не знаю я места где нахожусь, с тех пор как добралась я до этой долины. Дайте же мне воду, которая течет!

Скажите же мне:

«Да не будет далеко [твое] обличие от⁽¹⁹⁾ воды!». Подставьте (по крайней мере) мое лицо к северному ветру, к берегу, и, возможно, остынет мое сердце от своих страданий.

Что касается смерти, то имя ее – «Приди!». Все, кого она зовет к себе, тотчас приходят к ней, при этом их сердца трепещут от страха перед ней.⁽²⁰⁾ Нет никого среди богов и людей, кто смог бы увидеть ее. Великие в ее руке также как и малые. И нет никого, кто смог бы отворотить ее руку ни от <себя>, ни от всех дорогих себе (людей). Она крадет сына у его матери, хотя старик уже блуждает недалеко от нее. Все трепещущие молятся перед ней, но не обращает она на них свое внимание, не приходит <она> к зывающему к ней,⁽²¹⁾ не слышит она и восхваляющего ее. Нельзя увидеть ее, (чтобы) преподнести ей подарки, состоящие из всевозможных вещей».

О смерти и ее имени (комментарий к строке 19)

jr mAw mj rn=f «Что касается смерти, то имя ее – “Приди!”».

Идентификация слова вызывает споры, здесь его фонетическое и лексическое значения рассматриваются как результат использования в языке стилистического приема иносказательности. Обычно в этом слове видели позднюю графику *mwt*¹⁰, но не приводили

⁵ Именно «правительницы» и «владычицы обеих земель», поскольку звание царя Верхнего и Нижнего Египта, по текстам из Мемфиса, она не носила и о проведении обряда ее коронации ничего не известно.

⁶ О нем и о чтении его имени см. [Панов, 2012].

⁷ Похожее описание встречается на Лейдейнской стеле, инв. № V55, владелица Исетенахбит, III–I вв. до н. э.: «Лежу я в долине будучи юной. Я ощущаю жажду, а вода рядом со мной... Тьма, отвращение для ребенка, охватила меня, еще когда грудь (матери) была в моих устах» (см. [Egman, 1915]).

⁸ Перевод сделан по музейной фотографии. Последнее издание и комментарий к переводу см. [Panov, 2010].

⁹ Т. е. подземный мир.

¹⁰ См. [Reymond, 1981. P. 260]. Лексема *mwt* (= *mt*) принадлежит к той части основного и неизменного словарного запаса, который был зафиксирован в раннем староегипетском и сохранился до наших дней благодаря

доказательств, поскольку ни группа , ни знак не зафиксированы в словах с корнем *mwt*. Последний иероглиф – это детерминатив, указывающий на персонифицированное божество, а три знака вместе – *Aw* – буквально должны быть поняты как «простирающийся». Видимо, здесь подразумевается божество подземного мира, схожее с тем, которое встречается в одной из редакций книги «Амдуат» («четвертый час») на антропоморфном саркофаге Ташет¹¹, и написание имени которого является сокращением от бога(-ов), именуемого(-ых) как *Aw-a* «тот, кто простер (свою) руку»¹².

Слова с корнем *Aw* «даль», «длина», «быть длинным» зафиксированы уже в староегипетском языке. Среди них есть выражавшие радость или удовлетворение, а со времени Среднего царства основное значение дополняется новым оттенком. Значения объемности и полноты передавались выражением *r-Aw* «целиком, полностью, до конца» (к *Aw* присоединяется предлог *r*), понятие удаленности стало связываться с описанием смерти. Так, встречаются высказывания типа «Имярек, который отдалился», т. е. умер. Процесс совмещения предлога *m*, равнозамменяемого в греко-римское время с *r*, со словом *Aw* был завершен на Птолемеивской стадии развития египетского языка. По моему мнению, группа могла быть образована от уже существовавшего слова путем присоединения префикса¹³ *m* (знак). Так возникло единожды употребленное имя существительное (*hapax legomenon*), что не редкость в египетских надписях.

Смысл образования имени «Приди!» у смерти в виде обращения к живому берет свое начало в «песнях арфистов». Когда к визирю Пасеру (правление Рамсеса II) со стен его гробницы обращается музыкант, он в частности, поет: «[Помни] о том дне, (когда скажут) “приди же!”»¹⁴. В развитии представления о том, что человека призывают уйти из жизни и прибыть в другой мир, императив глагола *идти* становится нарицательным именем самой смерти. Однако того негативного отношения к уходу из жизни, которое можно увидеть в более ранние периоды¹⁵, здесь нет. Имя смерти отражает неотвратимость ее прихода и неизвестность времени, когда живущий услышит призыв к уходу в иной мир. Вместе с этим сохраняется свобода оставшегося на земле выбрать для себя праздный образ жизни.

Связь содержания так называемой «песни о смерти», датируемой 42 г. до н. э., с различными более ранними египетскими источниками очевидна, хотя и не полностью проиллюстрирована примерами в данной статье. Появление такого сочинения, необычного лишь на первый взгляд, результат развития традиционных представлений времени Среднего и Нового царств подписавшимся под ним автором. Способ выражения этих мыслей хотя и соответствует существовавшей форме общения между родными людьми с помощью посланий,

библейским текстам (через коптский). Слово *mwt* – это в первую очередь глагол *умирать* (антоним – глагол *анх* «жить»). Немного позже от его инфинитива было образовано существительное мужского рода *mwt* «смерть», которое использовалось в нескольких значениях. От глагола было образовано и другое существительное – *умерший, мертвый*.

¹¹ ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № I.1.a.5302. Я датирую предмет II–I вв. до н. э., он находится в экспозиции шестого зала музея. Подобное написание имени бога не учтено в словарях. См. фотографии саркофага египтянки Ташет на сайте Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. URL: http://www.arts-museum.ru/data/fonds/ancient_east/1_1_a/0001_1000/5302_tashet_sarcophag/index.php (дата обращения: 20.12.2012).

¹² См. [LGG. Bd. 1. S. 3–5] и редакции книги «Амдуат» из Нового царства. Ср. слова Таимхотеп о том, что у смерти есть рука и отворотить ее не может никто.

¹³ См. [Wb. Bd. 1. S. 5,16; Hannig, 2006. S. 4–5; Lesko, Lesko, 1982. P. 4]; о подобном способе образования новых существительных см. [Kurth, 2007–2008. § 112].

¹⁴ См. [KRI. Vol. 3. P. 8,8: [sxA] n=k hrw pf n mj r=k. В 17-й главе «Книги мертвых» (строки 109–110) [Budge, 1910. P. 86] эта тема повторяется: «Что касается этого дня “Приди же ко (мне)!”», то это Осирис сказал Ра: “Приди же ко (мне), чтобы увидеть (тебя)”; сказанное в отношении Запада».

¹⁵ Например, если рассматривать обращения умерших к живым времени Первого переходного периода, то часто они начинались как «О, живые, любящие жизнь и ненавидящие смерть (букв. «уход» = *xpt*, вар. *mwt*)!». Антонимы «жизнь – смерть» имеют и соответствующее отношение к себе в паре «любовь – ненависть», именно «ненависть» и была отношением к смерти, а на стеле Таимхотеп это чувство проявляется через страх и тщетные попытки умилостивить ее дарами.

но несет в себе и новизну, так как это первое письмо от умершего к конкретному живому человеку, а не речь ко всем проходящим по некрополю людям.

Список литературы

- Панов М. В. Источники, свидетельствующие об авторе автобиографий семьи мемфисских жрецов I века до н. э. // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. 2012. С. 26–30.
- Budge E. A. E. The Chapters of Coming forth by Day or the Theban Recension of the Book of the Dead. L.: Kegan oths., 1910. Vol. 1–3.
- Černý J., Gardiner A. H. Hieratic Ostraca. I. Oxford: Univ. Press, 1957. x + 35 p., pls.
- Erman A. Zwei Grabsteine griechischer Zeit // Festschrift Eduard Sachau. Berlin: G. Reimer, 1915. S. 103–112.
- Hannig R. Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Tl. 1–2. Mainz: Ph. von Zabern, 2006.
- Hari R. La tombe thébaine du père divin Neferhotep (TT 50). Genève: Editions de Belles-Lettres, 1985. 159 p.
- Hodjash S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad: Aurora Art, 1982. 311 p.
- Jansen-Winkel K. Die Hildesheimer Stele der Chereduanch // Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abt. Kairo. 1997. Bd. 53. S. 91–100.
- KRI – Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Oxford: Blackwell, 1969–1989. Vol. 1–8.
- Kurth D. Einführung ins Ptolemäische: eine Grammatik mit Zeichenliste und Übungsstücken. Tl. 1–2. Hützel: Backe, 2007–2008. 1139 S.
- Lesko B. S., Lesko L. H. Dictionary of Late Egyptian. Berkeley: B.C. Scribe Publications, 1982. Vol. 1.
- LGG – Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen / Hrsg. Ch. Leitz. Leuven, Paris & Dudley, MA, 2002. Bd. 1–7.
- Panov M. Die Stele der Taimhotep // Lingua Aegyptia. 2010. Vol. 18. S. 169–191.
- Reymond E. A. E. From the Records of a Priestly Family from Memphis: Wiesbaden: Harrassowitz, 1981. Vol. 1. xix + 285 p., 3 fig., 17 pl.
- Wb. – Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Neudruck. Berlin: Akademie, 1971. Bd. 1–5.
- Wente E. F. A Misplaced Letter to the Dead // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1975/1976. Vol. 6/7. P. 595–600.

Материал поступил в редколлегию 10.01.2013

Maksim V. Panov

CONCEPTION OF DEATH IN THE INSCRIPTION ON THE STELA OF TAIMHOTEP

The paper aims to reveal the implication of the word «death» in the latest version of the ancient Egyptian «appeal to the living». The investigation is based on the text inscribed on the stela of Taimhotep, a wife of Psherenptah III, High Priest of Memphis (British Museum EA 147, lines 15–21, BC 42). The originality of the record, presented in a new translation, consists in the development of the earlier traditional concepts by its creator, who styled the text as a message from the deceased to the living. The letter conveys the belief in the inevitability of death and uncertainty about the time of its summons. Addressing to her spouse, the deceased woman describes the «gloomy darkness» around her and advices to enjoy the life of the present every day that after a thousand-year interval echoes the mood and tenor of the harpers' songs from the New Kingdom tombs. The study discusses the reading of the word «death» and the author states an occurrence of a new word. The name of the death expressed by imperative of the verb «come» is derived from the description of the day when a man is called to enter the netherworld.

Keywords: Egypt, Ptolemaic epoch, High Priest of Memphis, conception of death, harper's song, *carpe diem* message.